

УДК 94(47).084.8(470.61)
DOI 10.17223/19988613/41/7

Е.Ф. Кринко, А.А. Черкасов

«ЛЕДОВЫЕ РЕЙДЫ» СОВЕТСКИХ ДИВЕРСАНТОВ: ДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ГРУППЫ И.Г. СТАРИНОВА В ПРИАЗОВЬЕ В НАЧАЛЕ 1942 г.

Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПП, проект № 0256-2015-0084.

Статья посвящена действиям советских диверсантов в Приазовье в январе – марте 1942 г. Еще в декабре 1941 г. была создана оперативная инженерная группа Южного фронта под командованием полковника И.Г. Старинова. Ей был придан сводный саперный батальон. Первой задачей саперов Старинова стало минирование оборонительных рубежей вокруг Ростова-на-Дону. С начала февраля 1942 г. они перешли к выполнению новой боевой задачи – рейдам в тыл врага по льду Таганрогского залива. Специфика действий группы Старинова выражалась в самом характере поставленных боевых задач, использовании технических средств в их выполнении, продуманной организации и подготовке диверсий, а также в сравнительно небольших потерях. Статья написана на основе архивных документов и опубликованных воспоминаний.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; Приазовье; Южный фронт; советские диверсанты; И.Г. Старинов.

История Великой Отечественной войны является одним из ведущих исследовательских направлений в современной историографии [1]. В то же время в ней сохраняется немало «белых пятен», к которым относятся и деятельность диверсионных отрядов и спецслужб. Эта деятельность осуществляется в режиме повышенной секретности, и необходимые документальные свидетельства нечасто доступны профессиональным историкам, что в немалой степени затрудняет ее изучение.

Все страны-участницы Второй мировой войны широко применяли диверсантов для действий в тылу противника. В последние годы вышло значительное количество работ о спецоперациях советских и германских спецслужб, истории военной разведки и контрразведки в 1941–1945 гг. [2–9 и др.]. Формированию новых представлений о диверсионно-разведывательной деятельности накануне и в годы Великой Отечественной войны способствуют публикации рассекреченных документов [10–14 и др.]. Тем не менее в ее описаниях не только сохраняются прежние мифы, но и рождаются новые. Во многом это происходит благодаря современным публикациям и кинофильмам, показывающим вымышленные персонажи или приписывающим реальным лицам действия, которых они не совершали, что ведет к их героизации или, напротив, демонизации.

Между тем, зимой 1942 г. Приазовье стало зоной активных действий советских диверсантов, совершавших свои рейды по льду Таганрогского залива в захваченные противником районы Ростовской и Сталинской (в настоящее время – Донецкой) областей. Однако эти реальные события лишь сравнительно недавно стали вызывать интерес историков. Впервые подробно о них рассказал в своих воспоминаниях советский «диверсант № 1» полковник Илья Григорьевич Старинов [15], хотя отдельные факты и ранее приводились в работах краеведов [16]. Но именно воспоминания И.Г. Старинова легли в основу ряда публикаций современных исследователей [17–19 и др.].

Изучение фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) позволило выявить новые источники по рассматриваемой проблеме. В первую очередь, это доклады и донесения полковника И.Г. Старинова о действиях сводного батальона оперативной инженерной группы в тылу противника на северном побережье Таганрогского залива, адресованные начальнику инженерных войск Юго-Западного направления, генерал-майору инженерных войск Г.Г. Невскому, обнаруженные в фонде 56-й армии. Использовались также наградные документы на входивших в состав сводного батальона бойцов и командиров, выписки из опросных листов военнопленных и задержанных советских граждан, другие документы того же фонда [20–22 и др.].

В фонде Юго-Западного направления выявлены карта действий сводного батальона оперативной группы полковника Старинова и чертежи мин, изготовленных ею в Ростове-на-Дону. Подпись И.Г. Старинова в листах использования отдельных дел подтверждает, что они просматривались им в послевоенное время. В то же время сведения и оценки, содержащиеся в архивных документах, нередко отличаются от текста опубликованных воспоминаний. Отдельные документы по данной проблеме отложились и в фонде Центрального штаба партизанского движения в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Это, в частности, записка командующего Азовской военной флотилией контр-адмирала С.Г. Горшкова командующему 56-й армией генерал-майору В.В. Цыганову об опыте действий инженерного батальона на Азовском побережье и донесение самого И.Г. Старинова [23].

Оба документа опубликованы в сборнике, посвященном партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны [11. С. 230–232]. Сопоставление различных исторических источников позволяет более полно и достоверно раскрыть рейды советских дивер-

сантов в тыл противника в Приазовье в феврале – марте 1942 г.

После освобождения Ростова-на-Дону от противника в самом конце осени 1941 г. ситуация на южном крыле советско-германского фронта продолжала оставаться крайне напряженной. Дальнейшее продвижение советских войск остановил хорошо укрепленный немецкий оборонительный рубеж, проходивший от села Самбека до города Красный Луч вдоль реки Миус. Он получил название Миус-фронт. Освободить Таганрог в ходе контрнаступления в декабре 1941 г. войскам Южного фронта не удалось, хотя уже были напечатаны листовки, призывавшие жителей города оказать содействие частям Красной армии и бить врага «всеми средствами» [24. Л. 2–4 и др.].

У командования РККА существовали опасения, что враг может попытаться повторить дерзкий захват Ростова или организовать десанты через Таганрогский залив на советскую сторону. Эти опасения не были беспочвенными: например, на Кривую косу уже были завезены сотни саней, на которых противник предполагал перебросить свои войска [25]. Вокруг донской столицы, считавшейся «воротами Кавказа», саперные части и местное население спешно возводили оборонительные рубежи – обводы [26–27 и др.]. Они представляли собой противотанковые рвы с батальонными районами обороны, дотами и дзотами на главных направлениях предполагаемого наступления противника. Строительство обводов происходило с большими трудностями, особенно зимой: «Продуваемые буйным степным ветром, обжигаемые морозом люди долбили и кайлили промерзшую, твердую, как бетон, землю. Ширина противотанкового рва сверху около семи метров, внизу – до трех метров, глубина – тоже до трех метров. Словом, чтобы отрыть один погонный метр противотанкового рва, приходится вынимать около пятнадцати кубических метров земли!» [15. С. 253–254]. В то же время противник мог обойти недостроенные фортификационные сооружения. В течение зимы 1941–1942 гг. 18 ростовских заводов произвели 584 комплекта дотов, а также бронеколлапов и других сооружений. Из Шахт, Сальска, Новочеркасска, Краснодара, Майкопа, Грозного, Златоуста поступили еще 700 комплектов огневых точек. К январю 1942 г. в основном было завершено строительство второй полосы рубежа «А» – внутреннего обвода города общей протяженностью свыше 90 км. Степень готовности остальных обводов не превышала 10% из-за нехватки строителей и низкого материально-технического обеспечения работ [26. С. 43].

14 декабря 1941 г. начальник инженерных войск Красной армии генерал-майор инженерных войск Л.З. Котляр приказал заместителю начальника штаба инженерных войск РККА полковнику И.Г. Старинову сформировать оперативно-инженерную группу для устройства минно-взрывных заграждений на подступах к Ростову-на-Дону и срочно отбыть на Южный фронт. В группу включили инструкторов и лаборантов из опе-

ративно-учебного центра Западного фронта, 10 лейтенантов, имевших боевой опыт и прошедших краткосрочные курсы при Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, а также бывших бойцов Испанской республиканской армии во главе с боевым товарищем Старинова Доминго Унгурия. Своим заместителем И.Г. Старинов назначил майора В.В. Артемьева, начальником штаба – капитана А.И. Чехонина.

В Ростов-на-Дону Старинов со своими специалистами прибыл 19 декабря. Здесь ему предстояло набрать остальной личный состав. При содействии начальника инженерных войск 56-й армии майора Е.М. Журина был составлен план минно-взрывных заграждений на подступах к Ростову. 26 декабря план был утвержден Военным советом 56-й армии. Он предусматривал установку 70 тыс. мин (!). При этом Главное военно-инженерное управление РККА отпустило оперативной инженерной группе только 14 тыс. мин. Остальные 56 тыс. мин предстояло изготовить в самом Ростове-на-Дону. Обком партии и Военный совет 56-й армии поручили срочно организовать производство мин промышленным предприятиям Ростова, Новочеркасска и Аксая.

Однако прежде началась работа по усовершенствованию конструкций мин с учетом опыта прошедших боев и условий местности. В этом И.Г. Старинову помогали инженер-электрик С.В. Гряднев, боец Ростовского стрелкового полка народного ополчения, награжденный медалью «За отвагу» за участие в боях по освобождению донской столицы, а также преподаватели Ростовского государственного университета [15. С. 255]. Благодаря их содействию были освоены и пущены в производство мины-сюрпризы двух видов, противопоездная мина малого образца (противопоездная мина Старинова, сокращенно – ПМС), противотранспортная мина малого образца (автомобильная мина Старинова – АС), мины замедленного действия трех видов, противопехотная мина (противопехотная фугасная мина нажимного действия – ПМД-6); антиклиренсная мина, а также различные виды минных взрывателей. В канун 1942 г. образцы усовершенствованных мин были переданы промышленным предприятиям. Всего было освоено производство 25 видов мин и приспособлений.

В конструировании и производстве мин участвовали семь ростовских предприятий, в том числе экспериментальные мастерские Ростовского государственного университета (здесь были открыты новые монтажный цех и химическая лаборатория), завод «Стройдеталь» Ростовского областного строительного треста, деревообделочная фабрика «Севкавтяжстроя», мебельная фабрика имени Урицкого [20. Л. 38]. Детали для мин и взрывателей изготавливались также на «Ростсельмаше», металлические корпуса для осколочных фугасов – на заводе «Красный Аксай», корпуса деревянных противотанковых и противопехотных мин – на Ростовской

фабрике роялей [15. С. 254]. К 12 февраля было изготовлено 12 000 различных мин-сюрпризов; около 1 000 противопоездных и противотранспортных мин; 500 мин замедленного действия; 1 000 предохранителей и приспособлений; 50 000 ампул с серной кислотой. Дальнейшее производство тормозило отсутствие необходимого количества детонаторов, минных универсальных взрывателей (МУВ) с капсулями, инерционных замыкателей, лампочек от карманных фонарей, электропровода и саперного провода, резины для герметизации, асбесто-цементных оболочек [20. Л. 39]. Критически оценивая деятельность И.Г. Старинова, в отличие от большинства других авторов, Ю.Г. Веремеев полагает, что его мины нельзя считать удачными, во-первых, из-за чрезмерной сложности внутреннего устройства, во-вторых, из-за использования в них остродефицитных для военного времени изделий [28].

Одновременно с производством мин шла подготовка минеров. В течение января 1942 г. был подготовлен сводный инженерный батальон оперативной инженерной группы в составе 500 чел. Для его формирования была выделена рота 522-го отдельного саперного батальона 56-й армии, по одной роте из 1581-го и 1602-го саперных батальонов 8-й саперной армии. В саперные батальоны призывали приписной состав старших возрастов. И.Г. Старинов так отзывался о выделенном в его распоряжение личном составе: саперами командовали «командиры в годах, призванные из запаса, рядовой и сержантский состав в большинстве был из новобранцев. Обутые в грубые ботинки с обмотками, одетые в засаленные ватники саперы выглядели неважно, даже отдаленно не походили на тех, которыми довелось командовать в мирное время. Но среди них имелось много коммунистов и комсомольцев, большинство рядовых было со средним образованием, и этим они тоже отличались, но уже в лучшую сторону, от прежних бойцов» [15. С. 254].

Командиром сводного инженерного батальона стал старший лейтенант Николай Иванович Мокляков, до этого командовавший 522-м отдельным саперным батальоном. И.Г. Старинов вспоминает: «Этот рослый, крепкий тридцатипятилетний командир в возрасте восемнадцати лет вступил в комсомол, а двадцати четырех – в партию. Перед войной Мокляков работал инженером на Ново-Краматорском заводе, мог эвакуироваться с семьей в глубокий тыл, но написал на бланке выданной брони: “Я русский, коммунист, мое место на передовой!”, отнес броню в военкомат и добился отправления на фронт. Предложение принять командование спецбатальоном Мокляков принял, не скрывая радости». Комиссаром стал старший политрук Захар Вениаминович Вениаминов, в прошлом неоднократно избиравшийся секретарем партийной организации одного из больших предприятий и имевший немалый опыт работы с людьми: «Вениаминову было за сорок, но на здоровье комиссар не жаловался. Кроме того, он

обладал завидным спокойствием, скоропалительных решений не принимал, и одной из любимых фраз его была фраза “Це дило треба обмозговати!”». Поначалу добровольцев из рядового и сержантского состава намеревались отбирать на общем построении частей. Но «когда по команде “Добровольцы, два шага вперед!” шагнул вперед весь бывший батальон Моклякова, пришлось от первоначального намерения отказаться. В остальных батальонах, а также в 26-й бригаде 8-й саперной армии добровольцев отбирали без построения, беседуя с каждым персонально» [Там же. С. 254–255].

В отличие от воспоминаний, в итоговом докладе И.Г. Старинова, подготовленном в апреле 1942 г., говорится о том, что в своей работе оперативно-инженерная группа «встретилась со многими трудностями, которые преодолевались вмешательством Военного совета 56-й армии. Саперные батальоны, приданные оперативно-инженерной группе, были раздеты, не обучены, засорены чуждым составом. Приведение этих саперных батальонов в состояние, допускающее их использование для минно-подрывных работ, заняло целый месяц». В документе указывается, что для обеспечения работ выделялись 9-й отдельный минно-инженерный батальон, 16-й отдельный инженерный батальон и 522-й отдельный саперный батальон. И.Г. Старинов отмечает, что «были приняты меры по экипировке и приведению приданных саперных батальонов в боеспособные части». В результате 1581-й и 1602-й саперные батальоны могли «состязаться с лучшими армейскими инженерными частями» [20. Л. 81–82].

Работа по минированию ростовских обводов затянулась вследствие «задержки фортификационных работ», а также «отсутствия охраны для устанавливаемых минных полей, отсутствия устойчивой материальной части». В связи с этим оперативно-инженерная группа выполнила «ряд дополнительных заданий Военного совета армии, Инженерного управления Южного фронта и по собственной инициативе». Были подготовлены 400 человек «для минирования в тылу врага из состава приданных батальонов», 20 инструкторов по минированию и разминированию аэродромов, 70 инструкторов-минеров для железнодорожных войск Южного фронта, 50 человек для саперных батальонов стрелковых дивизий Южного фронта, 80 парашютистов для разведывательного отдела 56-й армии, столько же для представителя Генерального штаба РККА капитана Прокопенко, 40 человек для оперативной группы политотдела и группа партизан для 4-го отдела управления НКВД. Соответствующее обучение прошли также моряки Азовской военной флотилии. Кроме того, были проведены сборы дивизионных инженеров и командиров саперных батальонов 56-й армии по вопросам минирования. Подготовлены специальные взводы по минированию в тылу врага в дивизиях. В докладе сообщалось, что в 30, 31 и 339-й стрелковых дивизиях «до настоящего времени работают наши группы, которые

успешно выполняют задания командования» [20. Л. 82–83].

К началу февраля батальон «закончил минирование основных танкоопасных мест». В соответствии с решением командующего 56-й армией он был сосредоточен в трех населенных пунктах на Азовском побережье: в селах Порт-Катоне (в настоящее время – Азовского района Ростовской области) и Шабельском (в настоящее время – Щербиновского района Краснодарского края), городе Ейске уже с новой задачей организации диверсий в тылу врага. С этого времени каждый вечер на северное побережье Таганрогского залива, в полосу между Таганрогом и Мариуполем, направлялось от 4 до 8 групп численностью в 6–8 человек. Каждая из них несла по 8–12 мин, в том числе по 2–3 мины-сюрприза и 6–8 противотранспортных мин. Всем группам ставилась задача в течение ночи выйти в тыл врага, установить мины на дорогах с целью уничтожения его автотранспорта и живой силы. Многим группам также ставилась дополнительная задача захвата «языка». Методы работы групп менялись в зависимости от изменения боевой обстановки, климатических условий и поставленных заданий [Там же. Л. 34, 54].

На протяжении всего периода времени диверсантам И.Г. Старинова приходилось работать в исключительно трудных условиях. До 6 февраля боевую работу затрудняли сильные бураны, достигавшие от 5 до 8–9 баллов, и морозы, температура опускалась до –7...–12°C. Первые 6 групп были обнаружены противником еще на льду, не смогли достигнуть объектов до рассвета и задачи не выполнили. Еще 4 группы были застигнуты вьюгой силой до 8–9 баллов уже у вражеского берега. По окончании вьюги с 6 февраля результаты работы групп резко улучшились.

Все группы преодолевали расстояние как минимум в 30 км, а в отдельных случаях до 60–70 км. Поэтому Военный совет армии выделил для них санные упряжки, к полозьям которых приделали специальные железные «подрезы», рассекавшие лед. Коней перековали на острые шипы, а всех участников снабдили маскировочными халатами и базлуками – подковами с шипами, позволявшими ходить по льду. Выдвигались с советской стороны еще засветло, чтобы с наступлением темноты находиться в 10–12 км от врага и немного отдохнуть перед самой вылазкой. Повозки и лошадей, также покрытых белыми маскировочными чехлами и попонами-накидками, оставляли на расстоянии от 0,5 до 5 км от берега противника, в зависимости от видимости. В воспоминаниях И.Г. Старинова говорится, что ездовых, оставленных на ночь с упряжками, для связи с боевыми группами снабжали карманными фонариками с разноцветными стеклами и спичками [15. С. 255]. Но в донесении отмечается, что после выполнения задания, особенно в пургу или в темные ночи, группы часто, не находя лошадей, возвращались домой «пешим порядком» [20. Л. 56].

При помощи мин-сюрпризов минировались не только большие мосты, телеграфные и телефонные столбы с установлением времени взрыва с задержкой на 1–2 часа. После взрыва противник начинал передвижение по дорогам и подрывался на установленных в 200–500 м от места взрыва противотранспортных и противопехотных минах. Подсчет нанесенных врагу потерь был затруднителен, в документах сообщалось: «Многие группы потерь противника непосредственно не наблюдали, но взрывы установленных мин слышали» [Там же. Л. 35]. Но некоторые результаты удалось зафиксировать. Так, группа Хорькова в селе Обрыв (в настоящее время – Новоазовского района Донецкой области) взорвала грузовую машину врага. Группа Франциско Гульона захватила в Самсоновке в установленной на льду будке румынский телефонный аппарат. Группа лейтенанта Ященко уничтожила 15 немцев и подорвала больше 10 телеграфных столбов. При выполнении заданий особенно отличились лейтенант Чепак, инструктор Гульон и Анхель, «которые в трудных условиях полностью выполнили задачу, проявив при этом отвагу и знание дела» [Там же. Л. 36].

При обнаружении групп или после взрыва мин противник открывал беспорядочный ружейно-пулеметный, а иногда и минометно-артиллерийский огонь на значительных участках, порой на расстоянии до 20 км, освещая местность прожекторами и ракетами. Однако обнаруженные группы не подвергались преследованиям. Уже после первых диверсий противник значительно усилил охрану побережья, взорвал лед около берега на значительных участках в районе Беглицкой косы. Опасаясь советского десанта, оккупанты выгоняли на берег моря стариков и молодежь с пешнями, заставляя рубить вдоль берега полыньи шириной до 10–15 м, к утру, впрочем, замерзавшие на морозе. Лед в это время достигал 1 м толщины [25]. В приазовских селах выросли вражеские гарнизоны. Противник также стал строить доты и минировать подходы к отдельным населенным пунктам (Самсоновке, Ореховке).

Однако все это не могло остановить советских диверсантов. Уже к середине февраля большая часть личного состава сводного батальона получила боевую закалку. В донесении сообщалось: «Настроение личного состава бодрое, и люди с большой охотой и желанием идут на выполнение задач по минированию». Потери батальона за первых 12 дней боевой работы составили 9 человек: был убит проводник, ранены 3 человека. Замерз инструктор оперативного учебного центра Западного фронта Мануэль Бельда, еще 3 человека получили обморожения разной степени тяжести, в том числе 1 – тяжелое [20. Л. 36].

Вскоре условия боевой работы вновь ухудшились, теперь уже из-за резкого потепления. С 10 по 15 февраля и с 24 февраля по 1 марта на поверхности льда вблизи берега появилась вода, местами доходившая до 30–35 см, трещины до 1 м. В донесении сообщалось о трудностях в организации боевой работы: «Сводный

батальон нуждается в дополнительных денежных ассигнованиях на оплату проводников, дополнительное питание в виде высококачественных концентратов для групп, действующих в тылу, так как время работы одной группы занимает до 3 суток. Необходимо хорошее вооружение и снаряжение. Батальон вооружен только винтовками». И самое главное, требовалась кожаная обувь, «так как 60% личного состава сводного батальона были одеты в валенки» [20. Л. 37].

Для «спровоцирования противника на минометно-артиллерийский огонь» в ночь с 12 на 13 февраля группы Романова и Науменко «применили достойный подражания пример ложной маскировки». В 1 км южнее Кривой косы были установлены повозки с чучелами, изготовленными из двух убитых лошадей, на которые посадили чучела седоков в маскировочных халатах. Макет и подходы к нему заминировали. После отхода группы был произведен взрыв заряда, а место освещено специальными сигнальными спичками, зажженными при помощи фитиля. Враг обнаружил прожекторами макет и открыл по нему усиленный минометно-артиллерийский огонь, продолжавшийся в течение 2 часов [19. Л. 10–10 об.; 20. Л. 56]. 21 февраля лейтенант Анхель, руководя группой, «пробрался на 2 км в тыл противника, поставил 8 мин на важной дороге, разминировал 20 мин и затем подорвал их». Будучи обнаружен противником, «вступил с ним в неравный бой и вывел группу без потерь» [22. Л. 95].

Сведения о результатах действий советских диверсантов сообщали перебежчики. По словам уроженца села Порт-Катон Д.С. Коноплева, перешедшего с территории, оккупированной противником и допрошенного 4 марта 1942 г., крестьянин села Христофоровки ему рассказал, «что где-то около месяца назад в районе Весело-Вознесенки [в настоящее время оба села относятся к Неклиновскому району Ростовской области. – Е.К.] шли 3 или 4 машины с немецкими солдатами, передняя наскочила на мину, взорвалась, погибли все солдаты. Еще порезали там же телефонный провод». Согласно тому же свидетелю, за это «немцы много мирных жителей расстреляли» [21. Л. 4]. Перешедший 28 февраля с занятой противником территории бывший красноармеец 129-го артиллерийского полка 31-й стрелковой дивизии С.Ф. Испарьян сообщил, что 10 февраля взорвался дом на южной окраине хутора Самсонов, погибли 3 румынских солдата. Оккупанты арестовали 200 жителей хутора и увели в неизвестном направлении [Там же. Л. 4 а].

Немецкий солдат Х. Койнике показал, что примерно 10 февраля на дороге между Обрывом и Веселым (в настоящее время – в составе Неклиновского района) взорвались «транспортные экипажи неизвестным числом». Другой взрыв прогремел в начале февраля на дороге, по которой двигались два румынских транспорта с фуражом. В результате четверо румынских солдат были ранены, при этом один – тяжело. На дороге между селами Федоровкой (в то время – районный

центр Ростовской области, в настоящее время – в составе Неклиновского района) и Веселым взорвалась немецкая машина с тягачом, 5 солдат получили ранения. По дороге Мариуполь – Веселый во время движения группы гражданских лиц произошел взрыв, несколько мужчин и женщин были убиты и ранены. Пленный также рассказал о «русских партизанах, которые принимают активное боевое участие в тылу немецких частей. Партизаны минируют часто дороги, прерывают связь – это наводит на немцев большой страх. При большой панике немецкие солдаты отступают на новые места» [Там же. Л. 5].

Взятый в плен 20 февраля 1942 г. румынский солдат 2-го артиллерийского полка 5-й кавалерийской дивизии К.И. Светко показал на допросе, что другой военнотружущий «примерно 15 февраля 1942 года на юго-восточной окраине деревни Кривая коса [в настоящее время – поселок городского типа Седово Новоазовского района Донецкой области. – Е.К.], проходя около сарая через дорогу, наскочил на мину, и солдату были оторваны обе ноги». 18 февраля по дороге из Буденовки (в настоящее время – город Новоазовск Донецкой области) в Обрыв проезжали два румынских кавалериста, наскочившие на мину. Обе лошади и один солдат погибли на месте, второму оторвало ноги. В тех же числах около Обрыва были убиты две румынские лошади.

Перешедший с оккупированной территории житель города Николаева С.Г. Славин на допросе показал, что 15 февраля он прибыл в деревню Щербак (в настоящее время – Новоазовского района) в 15 км к северо-западу от Обрыва. Утром местный житель Гончарук рассказал ему, «что среди населения идут упорные слухи, что якобы из советской стороны часто переходят люди (кто именно и откуда не установлено), минируют дороги на территории, оккупированной немцами и румынами». В результате немецкие транспорты часто взрывались на минах. Так, 12 или 13 февраля взорвалась немецкая грузовая машина, находившиеся в ней солдаты погибли. 14 или 15 февраля у самого берега напротив Обрыва, в 1 км к северо-западу от села, на mine подорвались два местных жителя и румынский солдат. Во второй половине февраля по дороге между Обрывом и Весело-Вознесенским немцы потеряли два танка, «один из которых был взорван на mine, когда стоял на месте, а второй взорвался при движении по этой дороге» [Там же. Л. 9].

П.С. Яновский, перешедший через Таганрогский залив, сообщил, что на хуторе Христофоровке 2 марта зашел к одному рыбаку. Тот рассказал ему, что «где-то в Весело-Вознесенке или каком-то другом селе на северном берегу кто-то подложил мины под здание, где находились 4 офицера германской армии». Они погибли, а в селе расстреляли 47 человек. 22 или 23 февраля 1942 г. на Беглицкую косу прорвались 5 красноармейцев, «которых немцы теперь разыскивают по всем селам, делая облавы» [Там же. Л. 6].

Бойцы и командиры сводного батальона принимали участие и в других операциях, осуществлявшихся в Приазовье военным командованием и органами НКВД. Самой крупной операцией стал рейд почти 400 морских пехотинцев, бойцов и командиров 56-й армии, приуроченный к 24-й годовщине РККА и состоявшийся в ночь с 22 на 23 февраля 1942 г. на северном побережье Таганрогского залива в районе Кривой косы – Сухой балки. Упоминания о нем, в частности, приводит в своих воспоминаниях С.Г. Горшков – в то время контр-адмирал и командующий Азовской военной флотилией. Потеряв только одного человека, десантники уничтожили свыше 160 солдат и офицеров противника, разгромили штаб немецкого батальона, уничтожили радиостанцию, несколько артиллерийских и минометных батарей, пулеметных точек, захватили пленных [29. С. 101–102]. В проведении операции участвовали 100 саперов сводного батальона, обеспечивая разведку и уничтожение материальной части врага. Одной из причин успеха стало то, что «враг был измотан повседневыми перестрелками и активно перестал реагировать на действия наших групп» [20. Л. 57]. И.Г. Старинов в воспоминаниях сообщает и еще об одном важном результате операции: среди трофеев оказалась толстая тетрадь, испещренная графиками и расчетами – как позже выяснилось, лабораторный журнал немецкого военного инженера-атомщика Г. Вандервельде, искавшего месторождения урана на юге Украины и в Донбассе. Благодаря этой тетради в Москве узнали об атомном проекте Гитлера, что способствовало в итоге созданию научного центра по проблеме атомного оружия и в СССР [15. С. 182]. Всего зимой 1941/1942 гг. было осуществлено свыше 80 рейдов диверсионных и разведывательных отрядов [29. С. 102].

После этого налета диверсанты на следующую ночь столкнулись с патрулями врага, двигавшимися вдоль побережья на салазках, на расстоянии в 8–9 км от берега. В одном случае при встрече с превосходившим ее в численности патрулем советская группа отошла. Но группы Врево Мануэля, Браво Хозе и Чико Мариано, встретив численно превосходивший их патруль противника в 8–10 км южнее Самсоновки, сами атаковали его. Патруль отошел к Кривой косе, а группы, прекратив преследование, изменили направление, вышли на берег в тылу врага и выполнили задание [19. Л. 10; 20. Л. 57].

В ночь с 25 на 26 февраля группа старшего лейтенанта Моклякова взорвала 2 моторных судна у Весело-Вознесенского. Она была обстреляна, но отошла без потерь. Группа Гульона заминировала дорогу между селами Безыменным и Широкино (оба – Новоазовского района). Для привлечения внимания противника она взорвала столбы по обеим сторонам дороги и порезала провода связи. Несмотря на обстрел, благополучно проводила 2 минеров в глубокий тыл с заданием выйти на железную дорогу севернее Мариуполя. При выпол-

нении операции инструктор Анхель, «запутавшись одной ногой в проволоке мин натяжного действия, не растерялся и, решив пожертвовать своим валенком, вынул безопасно ногу и ушел без валенка, пройдя без обуви до подводы 10 км и благополучно, без обмороживания, вернулся назад» [21. Л. 10]. Группа младшего лейтенанта Козлова была обстреляна при подходе к берегу в районе Буденовки и отошла. На обратном пути между 12 и 13 часами была обнаружена и обстреляна 2 «мессершмитами», 1 красноармеец был убит и 1 ранен, погибли 6 лошадей. Еще 4 группы были обстреляны при подходе к берегу и отошли, 3 человека получили легкие ранения [Там же].

Всего за февраль сводный батальон направил в тыл врага 104 группы, из них 43 выполнили свои задания, «остальные группы задания не выполнили по причинам неопытности, нераспорядительности». 7 групп не смогли выполнить задания, так как встретили на пути длинную непроходимую трещину, другие группы были обнаружены противником перед берегом и обстреляны «с одновременным освещением прожекторами и ракетами». В тылу врага было установлено 216 различных мин, в том числе 1 – на железной дороге в 15–17 км севернее Мариуполя. Одновременно с установкой мин большинство групп перерезало телефонно-телеграфные провода, нарушая связь противника. Немало немецких и румынских солдат погибли на минах или понесли тяжелые увечья.

Минирование в тылу врага продолжалось и в первой половине марта, пока это позволяли погодные условия. Затем И.Г. Старинов доложил Г.Г. Невскому: «Сводный батальон, работавший по минированию в тылу противника на северном побережье Таганрогского залива, по согласованию с командующим, переводим на работы на обводах и для подготовки команд истребителей прорвавшихся танков противника». На южном побережье Старинов оставил на месяц 40 человек «для обучения моряков и партизан делу минирования в тылу врага», а также «для подготовки к операциям после очищения моря от льда». Еще 10 человек действовали в районе городов Лозовая и Барвенково [20. Л. 84]. За март сводный батальон установил в тылу врага около 100 различных мин. В ночь на 17 марта «на mine была взорвана автомашина врага с прожекторной установкой и уничтожены три солдата врага» [Там же. Л. 62].

Кроме того, саперы участвовали в очередной крупной вылазке моряков Азовской военной флотилии. В район Беглицкой косы, примерно в 25 км к западу от Таганрога, в ночь с 13 на 14 марта направились две группы по 100 человек в каждой. Но они были встречены ружейно-пулеметным огнем врага и после короткого боя отошли. Общие потери составили 58 человек, в том числе у саперов – 7 убитых и 8 раненых. Эти потери оказались самыми крупными для сводного батальона за весь период его действий. И.Г. Старинов в своем докладе подчеркнул: «За это время наши мелкие

группы многократно ходили в тыл врага, ставили мины и без потерь возвращались» [20. Л. 63].

Итоговый доклад о действиях сводного батальона был подготовлен И.Г. Стариновым уже в апреле 1942 г. В нем отмечалось, что батальон за время боевых действий выполнял различные задачи, но особое внимание «было уделено постановке дела минирования в тылу врага». Всего в тыл врага на северное побережье Таганрогского залива ходили 116 групп, установивших «274 различных мины, из которых большинство не извлекаемых». По далеко не полным данным сводный батальон оперативно-инженерной группы уничтожил 4 автомашины и еще 1 машину с прожекторной установкой, 2 танка, общежитие с румынскими солдатами, трактор, конюшню, 2 катера и более 100 солдат и офицеров врага, захватив «языка». Четыре раза были проведены совместные операции с морской пехотой и командованием кораблей, из которых, впрочем, только одна была удачной [Там же. Л. 83]. В воспоминаниях И.Г. Старинова приведены другие результаты деятельности батальона: диверсионные группы минеров ходили в тыл врага 110 раз; на вражеских дорогах, патрульных тропинках, вдоль линий связи, у занятых оккупантами зданий установлено 744 мины; взрывами мин и огнем стрелкового оружия уничтожено свыше 100 солдат и офицеров противника, выведено из строя 56 автомашин и 2 танка, подорвано 74 телефонных и телеграфных столбов, 2 моста, 2 баржи, 4 машины с прожекторами [15].

За весь период боевых действий батальон потерял 12 человек убитыми и умершими от ран, 1 – замерзшим, 24 человека пропали без вести, 16 получили ранения, 3 человека – обморожения. При этом 15 человек пропали без вести и 7 человек погибли в ходе совместной операции с моряками в ночь на 14 марта 1942 г. Потери мелких групп «относятся за счет взрыва на немецких минах и при выходе на берег и не превышают одного процента участников» [20. Л. 84].

По показаниям перебежчиков и пленных, взрывы мин «производили потрясающее влияние на солдат врага», вселяя в них неуверенность и страх. На ряде дорог прекращалось ночное движение, создавались «невыносимые условия» для вражеских гарнизонов на северном побережье Таганрогского залива. В донесениях отмечались случаи, «когда солдат врага, выйдя из дома, сразу же попадал на противопехотную мину, которая отрывала ему обе ноги». Взрывы телефонно-телеграфных столбов или отдельных мин вызывали «беспорядочную ружейно-пулеметную, а иногда минометно-артиллерийскую стрельбу, при одновременном освещении местности ракетами и прожекторами». Часто группы, выйдя на берег и подвергнувшись обстрелу, отходили, оставляя мины-сюрпризы, взрывы которых вызывали усиление огня противника [Там же. Л. 55–56].

На основании этого И.Г. Старинов делал вывод о том, что «для работы в тылу врага нужны специальные

части, которые особенно в летних условиях могут нанести врагу весьма чувствительный урон, при незначительных потерях с нашей стороны» [Там же. Л. 83]. Он утверждал: «Уже первые шаги сводного инженерного батальона по минированию в тылу врага говорят о жизненной необходимости иметь эти активные части в составе Красной армии и выдвигают во всю ширь вопрос о создании специальной бригады особого назначения» [Там же. Л. 37].

Действия батальона заслужили высокую оценку советского командования. Контр-адмирал Горшков 11 февраля писал командующему 56-й армией генерал-майору Цыганову: «Опыт действия инженерного батальона т. Старинова показал большую целесообразность таких частей на побережье Азовского моря». Поэтому он считал целесообразным, «оставив этот батальон на побережье, развернуть его в смешанную бригаду из сухопутных и морских частей для действия по тылам и коммуникациям противника» [23. Л. 1]. Многие бойцы и командиры батальона были удостоены государственных наград. Среди них Альверка Нева Анхель, Браво Фернандо Хозе, Руис Мануэль Аро, Мену Андрес Ферро и другие испанские коммунисты, награжденные весной 1942 г. медалями «За отвагу» [22. Л. 95, 100, 246, 253 и др.]. А командир сводного батальона старший лейтенант Н.И. Мокляков в мае 1942 г. был удостоен ордена Красной Звезды [30. Л. 161].

Таким образом, действия оперативно-инженерной группы и сводного батальона под общим командованием И.Г. Старинова стали одним из примеров успешных действий советских диверсантов в годы Великой Отечественной войны. На первый взгляд, может показаться, что они лишены героического ореола, а их эффективность не столь высока: ведь они не привели к уничтожению или захвату крупных военачальников, взрывам крупных военных объектов противника или к другим ярким результатам. Однако уже сам переход через Таганрогский залив в любых погодных условиях – сначала при сильном ветре и морозе, а затем еще более опасной оттепели – был, несомненно, подвигом, и таких подвигов саперы-диверсанты совершили более сотни. Оценка же результатов их деятельности в точных количественных показателях затруднительна из-за отсутствия необходимых источников. Приводимые в документах и воспоминаниях сведения неполны и противоречивы. К тому же на оккупированном противником северном побережье Таганрогского залива действовали не только саперы сводного батальона, но и другие советские диверсанты, а также партизаны. В любом случае очевидно, что противнику был нанесен значительный материальный и моральный ущерб, вследствие чего он был вынужден отказаться от десантов на советскую территорию, сконцентрировавшись на обороне собственных позиций.

Особенностями действий группы Старинова, отличавшими ее от всех других диверсионных отрядов и групп, являлись сам характер выполнявшихся боевых

задач, упор на использование технических средств, тщательно продуманная организация и качественная подготовка диверсий, а также сравнительно небольшие потери. Все это в совокупности – важные и необходи-

мые признаки профессионализма в диверсионной работе, стремления воевать «не числом, а умением», не так часто встречавшегося в действиях командования РККА, особенно в начальный период войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.
2. Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 320 с.
3. Попов А.Ю., Цветков А.И. Русский диверсант Илья Старинов. СПб. : Нева, 2003. 188 с.
4. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. СПб. : Нева; М. : ОЛМА-Пресс Образование, 2003. Кн. 1. 383 с.; Кн. 2. 448 с.
5. Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М. : Яуза ; Эксмо, 2004. 512 с.
6. Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 544 с.
7. Диверсанты Второй мировой. Военно-исторический сборник. М. : Яуза, 2008. 353 с.
8. Дегтярев К., Колпакиди А. Смерш. М. : Яуза; Эксмо, 2009. 736 с.
9. Колпакиди А.И., Север А.М. Разведка в Великой Отечественной войне. М. : Эксмо, Яуза, 2010. 736 с.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I: Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М. : АО «Книга и бизнес», 1995. 470 с.; Кн. 2 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М. : АО «Книга и бизнес», 1995. 406 с.; Т. 2: Начало. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 года). М. : Русь, 2000. 724 с.; Кн. 2 (1 сентября – 31 декабря 1941 года). М. : Русь, 2000. 724 с.; Т. 3. Кн. 1: Крушение блицкрига (1 января – 30 июня 1942 г.). М. : Русь, 2003. 706 с.; Кн. 2: От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). М. : Русь, 2003. 700 с.; Т. 4. Кн. 1: Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943). М. : Русь, 2003. 796 с. Кн. 2: Великий перелом (01 июля 1943 – 31 декабря 1943 г.). М. : Русь, 2008. 816 с.; Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). М. : Кучково поле, 2007. 728 с.; Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М. : Кучково поле, 2007. 896 с.
11. Русский архив: Великая Отечественная. М. : ТЕРРА, 1998. Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 668 с.
12. Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. : Звонница, 2002. 486 с.
13. Cherkasov A.A. The creation and use of obstacle-construction detachments in the Red Army // Voprosy Istorii. 2003. № 2. P. 174–175.
14. Markwick R.D., Fieseler B. Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Yaroslavl' experience, 1941 // Bylye Gody. 2015. № 4 (38). P. 1115–1118.
15. Старинов И.Г. Записки диверсанта. М. : Альманах «Вымпел», 1997. 448 с.
16. Тепляков Г.В., Филиппенко И.Ф. Три студенческих месяца. М. : Молодая гвардия, 1982. 96 с.
17. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 216 с.
18. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Р и Д : Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
19. Афанасенко В.И. «Ледовые походы» на Таганрог. К 70-летию Таганрогской операции 1942 года // Донской временник. 2012. № 5. С. 138–144.
20. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 412. Оп. 646. Д. 884.
21. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 303. Д. 1.
22. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 308. Д. 58.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 692.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 18.
25. Лях В. Поселок Седово в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://sedovo.org/sedovo/istoriya/item/306-posjolok-sedovo-v-gody-velikoj-otechestvennoy-vojny.html>, свободный (дата обращения: 19.02.2016).
26. Krinko E.F. Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. 2014. Т. 3, № 1. С. 41–50.
27. Khlynina T.P. «In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942 // Bylye Gody. 2015. № 2 (36). P. 434–441.
28. Веремеев Ю.Г. Противотранспортная мина ПМС. Заметки на полях. URL: <http://www.saper.etel.ru/mines-3/pms.html>, свободный (дата обращения: 20.02.2016).
29. Горшков С.Г. На южном приморском фланге. Осень 1941 г. – весна 1944 г. Военно-исторический очерк. М. : Военное изд-во, 1989. 286 с.
30. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 531.

Krinko Evgeny F. Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: krinko@mail.ru; *Cherkasov Aleksandr A.* International Network Center for Fundamental and Applied Research (Sochi, Russia). E-mail: sochi003@rambler.ru

THE «ICE RAIDS» OF THE SOVIET DIVERSIONISTS: THE ACTIVITY OF THE I.G. STARINOV' TASK ENGINEERING FORCE IN THE AZOV SEA REGION IN EARLY 1942.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Azov Sea region; the Southern Front; Soviet diversionists; I.G. Starinov.

In December 1941, it was created a task engineering force of the Southern Front under the command of the Soviet “diversionist number 1”, the Red Army Colonel I.G. Starinov. A subordinate sapper battalion was attached to his group. The mining of the defensive lines around Rostov-on-Don became the first task for Starinov's sappers. Rostov University and local enterprise participated in the designing and manufacturing of mines. From early February 1942, they passed on the raids in the enemy's rear, crossing the Taganrog Bay by ice. Every evening on the northern coast of the Bay of Taganrog, between Taganrog and Mariupol, have been directed from 4 to 8 groups numbering 6–8 people. Every group carried 8–12 mines, including 2–3 mines-surprises and 6–8 anti-vehicle mines. All the groups gave tasks to mine the roads with the purpose to destroy the enemy's vehicles and manpower. All the time Starinov's diversionists had to work under difficult circumstances. Initially, the group's activity was hampered by heavy blizzards and frost. Since mid-February, a warm spell has set in, and the ice covered with cracks and water. The groups got over at least 30 km, and in some cases up to 70 km. Small bridges and telegraph poles were mined by the mines-surprises. After the explosion, the enemy began to move on the roads and

was blown up by another mine installed at 200–500 m from the explosion of anti-vehicle and anti-personnel mines. Totally, on the northern coast of the Taganrog Bay operated 116 groups, which have installed 274 different mines. By the explosions of mines and small arms fire over 100 enemy soldiers and officers has been destroyed. The exact calculation of the losses is not possible due to the lack of the relevant evidence. Over the entire period of fightings, the battalion lost 13 men killed, died of wounds and frostbite, 24 missing in action and 19 wounded and frostbitten. The specificity of Starinov group's actions is evinced in the very nature of their combat tasks, the use of technical equipment, considered organization and preparation of the diversions, as well as in relatively small losses. All of these are important and necessary indicators of the diversionist. Therefore, the actions of the task engineering force and the composite battalion under the command of I.G. Starinov could be considered one of the examples of successful actions of the Soviet diversionists during the Great Patriotic War.

REFERENCES

1. Krinko, E.F. (2009) Modern Russian historiography of World War II: Two decades outcome. *Bylye gody*. 4(14). pp. 6-19. (In Russian).
2. Mader, Yu. (1999) *Abwehr: shchit i mech Tre't'ego reykh'a* [Abwehr: The shield and sword of the Third Reich]. Rostov-on-Don: Feniks.
3. Popov, A.Yu. & Tsvetkov, A.I. (2003) *Russkiy diversant Il'ya Starinov* [A Russian spy Ilya Starinov]. St. Petersburg: Neva.
4. Chuev, S.G. (2003) *Spetssluzhby Tre't'ego Reykh'a* [Special Services of the Third Reich]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press.
5. Popov, A.Yu. (2004) *Diversanty Stalina. Deyatel'nost' organov Gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoy sovetskoj territorii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Stalin's Saboteurs. The activities of the USSR State Security in the occupied Soviet territory during World War II]. Moscow: Yauza, Eksmo.
6. Sudoplatov, P.A. (2005) *Pobeda v taynoy vojne. 1941–1945 gody* [The victory in the secret war. 1941–1945]. Moscow: OLMA-PRESS.
7. Tokarev, M. et al. (2008) *Diversanty Vtoroy mirovoy* [Saboteurs of the Second World War]. Moscow: Yauza.
8. Degtyarev, K. & Kolpakidi, A. (2009) *Smersh* [SMERSH]. Moscow: Yauza; Eksmo.
9. Kolpakidi, A.I. & Sever, A.M. (2010) *Razvedka v Velikoy Otechestvennoy vojne* [Intelligence Service in WWII]. Moscow: Eksmo, Yauza.
10. Stepashin, S.V. et al. (eds) (1995–2007) *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy vojne* [The State Security Services in WWII]. Moscow: Kniga i biznes; Rus'; Kuchkovo pole.
11. The Russian Archive: The Great Patriotic War. Vol. 20(9). Moscow: TERRA.
12. Zhadobin, A.T. (2002) *Lubyanka v dni bitvy za Moskvu. Materialy organov gosbezopasnosti SSSR iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii* [The Lubyanka during the Battle of Moscow. Materials of the USSR State Security Service of the FSB Central Archives, Russia]. Moscow: Zvonitsa.
13. Cherkasov, A.A. (2003) The creation and use of obstacle-construction detachments in the Red Army. *Voprosy Istorii – Issues of History*. 2. pp. 174-175. (In Russian).
14. Markwick, R.D. & Fieseler, B. (2015) Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Iaroslavl' experience, 1941. *Bylye Gody*. 4(38). P. 1115-1118.
15. Starinov, I.G. (1997) *Zapiski diversanta* [Notes of a saboteur]. Moscow: Al'manakh "Vympel".
16. Teplyakov, G.V. & Filippenko, I.F. (1982) *Tri studenykh mesyatsa* [Three icy months]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Matishov, G.G., Afanasenko, V.I. & Krinko, E.F. (2010) *Mius-front v Velikoy Otechestvennoy vojne. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius-Front in World War II. 1941/1942. 1943]. Rostov-on-Donu: RAS.
18. Matishov, G.G., Afanasenko, V.I. & Krinko, E.F. (2011) *Mius-front v Velikoy Otechestvennoy vojne. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius-Front in World War II. 1941/1942. 1943]. 2nd ed. Rostov-on-Donu: RAS.
19. Afanasenko, V.I. (2012) "Ledovye pokhody" na Taganrog. K 70-letiyu Taganrogskoy operatsii 1942 goda [The "Ice Campaigns" on Taganrog. On the 70th anniversary of Taganrog Operation in 1942]. *Donskoy vremennik*. 5. pp. 138-144.
20. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 646. File 884.
21. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 10 303. File 1.
22. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 10 308. File 58.
23. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 69. List 1. File 692.
24. The Documentation Centre of the Recent History of Rostov Region. Fund R-3. List 2. File 18.
25. Lyakh, V. (2013) *Poselok Sedovo v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [The village Sedovo during the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <http://sedovo.org/sedovo/istoriya/item/306-posjolok-sedovo-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html>. (Accessed: 19th February 2016).
26. Krinko, E.F. (2014) Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942. *Voennyi sbornik*. 3(1). pp. 41-50. (In Russian).
27. Khlynina, T.P. (2015) "In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population": The Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942. *Bylye Gody*. 2(36). pp. 434-441. (In Russian).
28. Veremeev, Yu.G. (n.d.) *Protivotransportnaya mina PMS. Zametki na polyakh* [Antivehicle mine PMS. Field Notes]. [Online] Available from: <http://www.saper.etel.ru/mines-3/pms.html>. (Accessed: 20th February 2016).
29. Gorshkov, S.G. (1989) *Na yuzhnom primorskom flange. Osen' 1941 g. – vesna 1944 g. Voenno-istoricheskiy ocherk* [On the southern seaside flank. The autumn of 1941 – spring of 1944. A military historical sketch]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
30. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 33. List 682 524. File 531.